

УДК 303+304+330

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Н.П. Рыжова

Рыжова Наталья Петровна — доктор экономических наук, магистр антропологии Кембриджского университета, заведующая лабораторией. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: n.p.ryzhova@gmail.com.

В обзоре рассмотрены междисциплинарные направления исследований современной неинституциональной экономической теории, рассматривающие взаимосвязи между насилием, убеждениями и экономическим, политическим и социальным благополучием стран и регионов. Обсуждается, что постановке таких задач предшествовали теоретические и эмпирические — на стыке с историей, социологией, антропологией, психологией и биологией — исследования, подтверждающие, что история, институты, культура и, наконец, насилие «имеют значение». Основным тезисом статьи является то, что далее междисциплинарные с социальной антропологией исследования насилия и убеждений «обычных людей» будут углубляться.

Междисциплинарные экономические исследования, социальная антропология, институты, культура, насилие, убеждения, элиты, «обычные люди».

DOI: 10.14530/se.2014.4.148-169

ВВЕДЕНИЕ

Современная экономическая теория во многом развивается благодаря активному заимствованию из разных дисциплин (в большей степени географии, истории, социологии, политических наук, антропологии, а также биологии, медицины, психологии). Это происходит потому, что собственные аналитические ресурсы экономической теории, ее разных школ и направлений недостаточны для ответа на ряд вопросов, и прежде всего на вопрос о том, почему некоторые страны постоянно отстают в экономическом развитии или попросту проигрывают развитым странам Запада. В данной статье рассматриваются перспективы расширения междисциплинарных исследований на стыке экономики и социальной антропологии¹, а имен-

© Рыжова Н.П., 2014

¹ Так сложилось, что в Великобритании используют термин «социальная антропология», в США — «культурная антропология», а, например, в Германии — «этнология». В России встречаются все три термина, не считая «домашнего» термина — «культурология». Кроме того, термин «этнография» используется везде для обозначения собственно полевых исследований.

но — относительно недавних исследований, развивающих экономическое понимание институтов, но не перспективы экономической антропологии, субдисциплинарного направления, насчитывающего почти вековую историю развития.

Следует сразу оговориться, что отношения между антропологией и экономикой складывались непросто: имела место скорее тенденция к выстраиванию границ, нежели междисциплинарных подходов. Антропологи любое исследование начинали с нападков на «упрощенные» экономические теории, модели и концепции¹, а экономисты предпочитали не замечать антропологические эксцентричные работы². Даже сейчас в центрах мировой научной мысли исследования экономистов и социальных антропологов нечасто взаимно дополняют друг друга, хотя ситуация изменяется.

О значимости междисциплинарных различий могут говорить даже подходы к оформлению результатов исследований. Стандарты экономических текстов приближаются к естественно-научным: четкая гипотеза, хорошо вписанная в существующую научную дискуссию теория, стройная математическая модель, обширные данные, сбор которых может быть повторен, рафинированный аналитический аппарат. Таким критериям, например, удовлетворяет высоко цитируемая статья Г. Табеллини [42]. Автору удалось на количественных данных доказать, что экономическое благополучие связано с региональными культурными различиями. Выводы Г. Табеллини чрезвычайно актуальны как для догоняющих стран, так и в целом для экономической науки, и выдержаны в духе идей Д. Норта [6] о том, что «институты имеют значение», а потому работы хорошо вписались и несколько переформатировали поиски неонституционалистов.

Стандарты лучших образцов антропологических работ противоположны. Более всего приветствуется гениальная идея или аргумент, опровергающий или переворачивающий всю предыдущую научную дискуссию. Так, например, антропологу стыдно не знать работу Д. Шнайдера [40], перечеркнувшую все основополагающие идеи теорий родства, долгое время бывшие мейнстримом для субдисциплины (*kinship theory*)³. Математические модели,

¹ В принципе большинство экономико-антропологических текстов так или иначе критикуют экономические теории (см., напр., Д. Грэбер [24]). К сожалению, очень часто антропологи начинают критику с А. Смита и мало интересуются современными достижениями экономистов.

² Как будет обсуждаться далее, развитие неонституциональной экономической теории способствовало появлению интереса к антропологическим текстам со стороны экономистов. Но, как отмечает К. Ханн, экономисты не учитывают главную идею антропологов о культурной специфичности буквально всех социальных феноменов (собственности, ценности, денег, доверия и т. д.), и поэтому надежда на развитие настоящей междисциплинарности «провалилась» [27, p. 29].

³ Д. Шнайдер утверждает, что теоретические концепции и категории теории родства производны от свойственного евроамериканской культуре понимания родственных связей.

даже по случайному стечению обстоятельств появляющиеся в антропологических текстах, сразу и «навсегда» жестко критикуются и забываются коллегами. Стоит вспомнить работу Дж. Гуди [23], который сравнивал системы брачных поставок (приданого, выкупа и т. п.), используя количественные данные этнографического атласа, и объяснял их региональными различиями в технико-экологических факторах. Обзор критики с акцентом на неприемлемость для дисциплины использования эконометрических методов представлен в работе К. Ханна [26]. Данные, которые собирают и используют антропологи сейчас, весьма разнообразны: представления о том, что антрополог – это тот, кто обязательно живет несколько лет с «аборигенами», безнадежно устарели. Антрополог может оказаться в лаборатории, изучающей поведение животных [17], или в команде, ведущей перепись населения [41]. Но факт остается фактом: повторить сбор данных очень часто почти невозможно, поскольку главным аналитическим инструментом – и собирающим, и анализирующим данные: остается он сам, антрополог. Все перечисленные наблюдения говорят о том, что социальная антропология чуть ли не антагонистична по отношению к экономической науке, а некоторые могут заявить, что совсем не факт, является ли социальная антропология наукой вообще.

Однако способ представления результатов, их верификация, отношения с «естественно-научными» принципами, да и используемые исследователями методы – не есть основная причина расхождения во взглядах. До некоторых пор – пока антропологи изучали «тробрианцев»¹ – никакой, даже антагонистической взаимности не было: они критиковали экономистов, а экономисты их «не замечали», даже несмотря на то, что выделилась и стала активно развиваться экономическая антропология как субдисциплинарное направление. Что, в общем, логично. Например, выполненное в рамках этого на-

Согласно ему существует два наиболее влиятельных предположения этой теории – о «генеалогическом единстве человечества», что приводит к мысли о том, что построение родственных отношений одинаково во всех культурах, и о том, что «кровь гуще, чем вода» и, следовательно, родственные связи всегда сильнее любых других [40, р. 174]. Следовательно, ставит вопрос Д. Шнайдер, родство – это лишь естественные последствия сексуальных отношений? И возражает, что такое понимание приводит лишь к тавтологии – социокультурный феномен рассматривается как натуральный или биологический факт: исследователь пытается понять отношения родства, которые являются родством по определению. Поскольку к этому времени антропологами уже был накоплен богатый материал, подтверждающий, что в разных культурах родство может устанавливаться совершенно через иные, нежели «натурально-биологические», отношения (усыновление, «молочное» родство и гораздо более экзотические для европейского обывателя механизмы), то идеи Д. Шнайдера были хорошо восприняты и резко изменили направления исследований. Антропологи, например, стали изучать, как создаются родственные связи в результате использования новых репродукционных технологий.

¹ Тробрианцы – жители острова Тробриан (Меланезия). Б. Малиновский [32; 33], заложивший стандарты этнографического метода, а за ним целое поколение антропологов, активно изучали этот и другие Меланезийские острова, поскольку там лучше сохранилось традиционное общество (или общество «дикарей»).

правления исследование сфер обмена у народа Тив (Нигерия) выявило, что ни одна из экономических теорий денег не могла бы объяснить функционирование их сферы обращения [16]. До прихода колонистов сферы обмена народа Тив почти не пересекались: существовали «нижняя», где производились как бы рыночные обмены продуктами питания и повседневными товарами; «средняя», с обменом престижными товарами, например, ритуальными одеждами и медными прутками; и «высокая», включавшая права на обмен женщинами. Колонизация привела к тому, что сферы стали пересекаться, а деньги стали общим деноминатором товаров; точнее почти общим, так как земля не стала предметом купли-продажи [38]. До колонизации невесты обменивались только на невест, а после — их стали обменивать на престижные товары, в результате старейшины линиджей потеряли свою власть, а мужчины получили доступ к женщинам, конвертируя труд в брачные поставки. Важность этого исследования для экономистов, традиционно занимавшихся западными обществами, слишком неочевидна и, напротив, несомненна для антропологов: оно доказывало и то, что экономические представления об эволюции денег могут быть ошибочными, и то, что колонизация ведет к разрушению социальных связей.

С тех пор, когда антропологи заинтересовались различными западными обществами, а экономисты признали, что экономические процессы не объяснить без понимания институтов — а значит норм, ценностей и убеждений — расширились и перспективы междисциплинарных исследований. Впрочем, реализация этих перспектив — дело будущего, и для этого экономистам и антропологам необходимо преодолеть некоторые существенные расхождения во взглядах, в том числе на проблемы, рассматриваемые в данной статье: на власть, насилие и убеждения «обычных людей». Развивая этот тезис, в начале статьи рассматриваются расхождения во взглядах на эти феномены; во второй части обсуждается, как взаимосвязь насилия и убеждений стала важной для экономической теории; в третьей — анализируется, почему признание антропологических подходов актуально для развития экономической теории.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Расхождение во взглядах экономистов и антропологов оказалось очень существенным, когда антропологи пристально взглянули на проблемы власти, насилия и неолиберализма¹. Экономические теории — неважно, идет ли

¹ Междисциплинарные границы в общественных науках, в том числе между экономикой и антропологией, возникающие из-за разного понимания природы власти, рассмотрены автором на примере исследования собственности [8].

речь о маржинализме, теории международной торговли или политэкономии социализма — долгое время служили фундаментом экономических и политических систем, и поэтому «сакральные» политические принципы систем не оспаривались, а скорее обосновывались¹. Напротив, многие антропологические теории — хотя и только в постколониальную эпоху — сконцентрировались именно на критике и объяснении культурно-специфических и экономических особенностей власти. В отличие от большинства экономистов, которые теоретически и эмпирически доказывали, что в целом открытость экономики ведет к улучшению благосостояния открывающихся обществ, антропологи часто обсуждали, почему регулирование, сопровождающее вступление стран в ВТО, программы структурной адаптации МВФ, или транснациональные инициативы по развитию, часто ведут к ухудшению положения «развивающихся стран», и особенно — бедного населения этих стран [18; 37]. Переключение экономического внимания на власть также было связано с постколониальным наследием и произошло тогда, когда стало понятно, что бывшие колонии и вообще «развивающиеся страны» (страны, не входящие в ОСЭР) не очень-то способны догнать страны развитые.

Экономисты, совсем недавно «допустившие» власть в свои теоретические построения, рассматривают только власть элит. В отличие от традиционного для социологии (и нового для экономики — см., например, работу Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вейнгаст [7]) понимания того, что государство есть монополизированное насилие, антропологи стали видеть в государстве источник «обычного террора», «нормализованного» насилия в отношении «обычных людей» [43], спрашивая, почему государство может «диктовать — кто может жить, а кто должен умереть» [34].

В результате эволюции взглядов и концепций антропологи сместили внимание с элит на повседневную власть². Среди прочего это означало, что они начали изучать, каковы механизмы, тактики, действия, благодаря которым насилие не только совершается, но и принимается, обосновывается, объясняется и теми, в отношении кого оно проводится, и теми, кто его проводит. Обоснование, объяснение, согласие, формы сопротивления насилию связаны с культурно-специфическими особенностями убеждений людей. Анализ таких убеждений представлен, например, в работе А. Юрчака [11], который доказывает, что советская система, совершавшая насилие в отношении миллионов людей, угнетавшая личность и свободы, не может быть

¹ В данном случае не имеется в виду, конечно, критика политэкономии К. Маркса, труды которого, впрочем, с равным усердием в разные времена использовали экономисты, социологи, антропологи.

² М. Фуко, с чьим именем связывается переключение внимания с власти организаций, агентов, государства на власть, проявляющуюся в повседневной жизни и практиках, использовал термин «микрoфизика власти» [9].

объяснена только как подавляющее государство. Без включения в анализ сложных, небинарных убеждений («плохой» – «хороший») невозможно понять, как люди, жившие в советское время, объясняли, рационализировали эту систему для себя, как участвовали в ее строительстве, и тем более невозможно объяснить, почему и после ее развала многие продолжили испытывать ностальгию. Таким образом, антропологическое понимание убеждений – весьма дифференцированное, кстати, среди самих антропологов – позволяет объяснить, как рационализируется насилие и, значит, почему оно допускается.

Взаимосвязь насилия и убеждений, объясняющая результаты социального, экономического и политического благополучия наций, насколько можно судить, это «авангард» современных неинституциональных исследований: помимо работы Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вейнгаста [7], можно отметить и недавнюю работу Д. Асемоглу и Дж. Робинсона [13]. Убеждения для эконометрических расчетов часто фиксируются в социологических опросах: таким образом выявляются и сопоставляются уровень доверия или степень экономической свободы в разных странах. При этом предполагается, что все люди одинаково понимают, что такое свобода или доверие, и, значит, одинаково поймут соответствующие вопросы, что совершенно не факт. Понимая эти ограничения, верные «общенаучным принципам» экономисты стараются для изучения норм и убеждений людей использовать естественнонаучные, биологические методы – в результате формируются такие направления, как экономическая психология и нейроэкономика¹. Однако и нейроэкономика не учитывает то, на чем постоянно настаивают антропологи: все убеждения культурно специфичны. Люди по-разному понимают большинство базовых ценностей, например, таких как свобода (см., напр., работу К. Хамфри [28]).

Таким образом, именно на этом поле – в изучении культурно-специфических убеждений в их взаимосвязи с насилием – экономика и антропология могут составить взаимовыгодный тандем.

¹ В качестве примера широко цитируется книга о связи психологии и экономики Дж. Акерлофа и Р. Шиллера [1]. В книге сделан акцент на основных аспектах поведенческой психологии человека – таких как доверие, справедливость, самоуверенность, сознательная ложь, иллюзии относительно ценности денег, обыденные представления о функционировании экономики – и том, как психология влияет на изменение экономического развития страны. Еще более формализованный научный подход к исследованию взаимосвязи между экономикой и процессом принятия решений предлагает нейроэкономика. Эти междисциплинарные исследования основываются на комбинации экономики, психологии и нейробиологии, в частности, используются такие естественные методы и подходы, как функциональная магнитно-резонансная томография, концепция условного рефлекса Павлова, парадигма целенаправленного поведения и т. п. для объяснения нерационального поведения, склонности к риску, конкуренции между моральными и рациональными поступками [4].

**ИНСТИТУТЫ И ИСТОРИЯ,
КУЛЬТУРА И НАСИЛИЕ «ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ»**

Экономисты, в отличие от антропологов¹, относительно недавно признали каждый из этих тезисов. Импульс признанию придала публикация Д. Нортон серии экономико-исторических работ (см., напр., [6; 36]). Выводы нобелевского лауреата о влиянии истории на экономический рост были подтверждены эмпирически, преимущественно на кросс-национальных статистических данных. В частности, Д. Асемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон [14] объяснили влияние колониального наследия на уровень текущего экономического развития стран. Идея их работы заключалась в том, что европейские колонисты строили «правильные» институты только в тех колониях, где они могли относительно комфортно жить (уровень этой комфортности измерялся уровнем смертности среди европейских колонизаторов в Новом Свете). С. Энгерман и К. Соколоф [19] влияние колониального правления на последующее развитие бывших колоний объяснили иначе, а именно тем, какие сельскохозяйственные культуры могли выращиваться в странах Нового Света. В Северной Америке, согласно авторам, земли позволяли выращивать культуры, обрабатываемые одной семьей, а в Южной земля могла обрабатываться только при помощи плантационных рабочих. Это привело к формированию среднего класса в первом случае и препятствовало его формированию во втором, что, соответственно, и определило разрыв в сегодняшнем состоянии этих макрорегионов.

Эти и другие подобные исследования выявляли в основном наличие корреляций между переменными, квантифицирующими исторические события (чаще всего – колониальное прошлое) и текущее экономическое развитие стран, и успешно подтверждали, что «история имеет значение». Развивая этот общий вывод, исследователи начали искать ответ на вопросы – «почему же история имеет значение?», «как события прошлого определяют сегодняшние успехи и провалы соответственно развитых и развивающихся стран?». И здесь подходы, гипотезы и эмпирические результаты начали расходиться.

Некоторое время весьма влиятельная интерпретация воздействия истории на экономическое благополучие заключалась в том, что специфические политические институты, возникшие в Европе, способствовали защите прав собственности, что, в свою очередь, способствовало устойчивому экономи-

¹ Это «прозрение» пришло к ним раньше, именно потому, что их прикладная задача состояла в том, чтобы понять, как изменять социокультурный контекст колонизируемых в соответствии с задачами колонизаторов. Соответственно, антропологи уже в 1950-х гг. доказали, что данная практическая задача решается очень плохо или вообще никак (см., напр., работы П. Боханнана [15] и М. Глюкмана [22]).

ческому росту. Учет того факта, что «одинаковые западные» политические институты, юридические системы, суды и т. п. отнюдь не одинаковы, немного откорректировал дискуссию. Рассматривая феномен дифференциации западных институтов собственности, экономисты часто цитируют¹ работы антрополога и историка А. Макфарлейна [31], который показал, что частная собственность, сложившаяся в Англии, почти не имела аналогов — разве что Япония со сходными условиями централизации власти при четком отделении личной собственности от общинной и семейной. Тестирование гипотезы о том, как «завезенные» британские институты влияли на экономический рост в колонизируемых странах в сравнении с институтами, завезенными из Испании, Франции и Португалии, подтвердило значимость культурно-правовых различий между западными странами. В частности, Р. Ла Порте и др. [30] показали, что страны, где было имплантировано общее, британское право вместо римского, имеют лучшую защиту прав собственности, что ведет к лучшим показателям развития.

Но дальше экономисты задумались, как функционируют «одинаковые» институты одной страны. Выяснилось, что по-разному — в зависимости от регионального культурного контекста. В качестве примера — суды на юге и севере Италии функционируют по-разному. Отталкиваясь от этого факта, Г. Табеллини [42] доказал, что культурные различия — конкретно, индивидуальные ценности, убеждения, доверие и уважение к другим, самоопределение — дифференцированы даже внутри стран, что приводит к разному функционированию тех же самых институтов, и поэтому культура (а не права собственности) является основным механизмом, через который история влияет на текущее развитие.

Вывод Г. Табеллини оспаривается в недавней работе Д. Асемоглу и Дж. Робинсона [13]. Исследователи, опираясь на серию своих предыдущих работ и обзор обширных неэкономических источников, стремятся доказать, что «нации терпят поражение» из-за того, что в них вместо инклюзивных институтов развиваются экстрактивные², в результате чего происходит изъятие доходов и богатства у одной части общества ради выгоды другой его части. Авторы акцентируют внимание на том, что колониционное прошлое повлияло на развитие экстрактивных институтов, поскольку колонизаторы были заинтересованы в сохранении выгодных им, но не полезных для развития

¹ Например, Д. Норт, Д. Уолис, Б. Вейнгафт [7], описывая «естественное государство», активно цитируют труды А. Макфарлейна [31]. Также на работы этого автора Д. Норт ссылается в своих более ранних трудах [6; 36].

² Инклюзивные институты, в отличие от экстрактивных, предполагают участие масс в экономической активности, которая лучшим образом подходит для их талантов и способностей, позволяют людям делать осознанный выбор; означают наличие гарантий прав собственности, верховенство права и свободный вход бизнеса на рынки [13].

стран институтов [13, р. 61]. Эта порочная практика, по мнению авторов, сохранилась – политики отстающих в развитии стран знают, какие институты плохи, и стремятся их сохранить, потому что они позволяют им удерживать власть и изымать ренту. Вывод авторов одновременно прост и почти недостижим: для распространения инклюзивных институтов должно быть обеспечено широкое распределение власти в обществе и обеспечена эффективная централизация власти, то есть насилие должно быть сконцентрировано в руках у государства. Настаивая на том, что именно политические институты (а не культура, как у Табеллини) имеют определяющее влияние на развитие, авторы отвергают значимость всех прочих детерминант, в том числе культурных. Они приводят «очевидный» пример Южной и Северной Кореи, выбравших, конечно, «правильные» и «неправильные» институты соответственно. Легко предположить, что «правильные» инклюзивные институты Южной Кореи по своей сути совершенно не такие, как «правильные» институты в Великобритании или Австралии. Но что еще важнее, можно предположить, что возможность имплантации и экстрактивных и эксклюзивных институтов опиралась в обеих странах на корейские же социально-культурные особенности: то есть, что по каким-то причинам северные корейцы отличались в своих установках, верованиях, убеждениях от корейцев южных. Однако Д. Асемоглу и Дж. Робинсон [13] категорически отвергают такие предположения, соответствующие идеям Г. Табеллини [42].

В другой недавней работе, по сути, посвященной также проблеме инклюзивных и экстрактивных институтов, которые у этих авторов называются «социальными порядками» соответственно «открытого» и «закрытого» доступа, также обсуждается важность политических институтов и насилия, но и культуре, прежде всего, каузальным убеждениям, отводится важная роль. Речь идет о книге «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста [7], упоминавшейся выше, которую представители общественных наук, и прежде всего институциональные экономисты, восприняли как удачную теоретическую рамку для объяснения причин неудач большинства стран мира в сравнении со странами Запада. Под насилием авторы понимают и физическое насилие, и угрозу его применения на коллективном уровне. Под каузальными представлениями – связи между действиями и результатами. Согласно Д. Норту с коллегами, все страны сталкиваются с проблемой насилия; при этом в развивающихся странах гарантом стабильности являются персонифицированные договоренности элит о том, как будет обуздано насилие и распределена рента, тогда как в развитых странах стабильность достигается за счет деперсонализации отношений и предоставления гражданам обезличенных прав доступа.

Неоинституционалисты за тридцать лет смогли пройти важный путь от одного теоретического постулата (история и институты имеют значение) через разнообразные, в том числе междисциплинарные, эмпирические исследования к другому постулату (культура и насилие имеют значение). Скорость движения была потрясающей, однако имела «империалистический» характер — экономисты «колонизовали» дисциплинарные территории, на которые проникали, вместо того чтобы интегрироваться с ними. Однако культура — нормы, ценности, убеждения людей — не предлагает своим исследователям твердой почвы; для ее возделывания требуются специальные инструменты, такие, например, которые хорошо знакомы «колонируемой» антропологии.

«НОВАЯ ПОВЕСТКА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»

Можно сказать, что книга Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста [7] является образцом «экономического империализма». Дело, конечно, не в том, что авторы активно ссылаются на опубликованные антропологами работы, а в том, что они используют их как *anecdotal evidence*, сырые данные, «полезные ископаемые», отказываясь принять концептуальные подходы и не пытаясь перенять полезные «обычаи» (см. также рецензию Н. Карбаинова [43]).

Например, обосновывая свою концепцию, Д. Норт с коллегами интерпретируют историческую динамику в *эволюционных терминах*. Венцом эволюции является, конечно, Запад (в том числе такие страны, как Япония, где Запад эволюцию рукотворно «сотворил»), и поэтому большинство примеров взято из истории западных стран — США, Великобритании и Франции. Человечество, согласно авторам, проходит в развитии три стадии, при этом, достигнув последней, третьей — порядка открытого доступа, страна уже не может вернуться на предыдущий этап развития. Такой «эволюционный метод» рассмотрения обществ давно известен и столь же давно забракован антропологами. Чтобы еще раз подвергнуть сомнению его применимость, зададимся некоторыми вопросами. Действительно ли порядок открытого доступа не может деградировать? Разве Германия и Италия не возвращались к предыдущим порядкам тогда, когда в них приходили к власти тоталитарные режимы Муссолини и Гитлера? Действительно ли во всех развитых странах, и в каждой из них одинаково — в Японии, так же как в США, — граждане имеют одинаково обезличенные права доступа? Если рассмотреть случай Японии, то можно было бы предположить, что порядки открытого доступа могут быть имплантированы, а убеждения элит и их склонность к кооперации легко откорректированы? Либо существовали какие-то убеждения, традиционные

для японской культуры, способствовавшие «нужной» кооперации? Ответы на эти вопросы могут продвинуть в понимании того, как перейти из одних социальных порядков в другие.

Еще одно замечание связано с тем, что *авторы оперируют большими политико-экономическими системами* (странами) и *не интересуются локальностями*. Непонятно, как быть, например, с исследованием Г. Табеллини [42], доказывающего, что в пределах одной страны разные убеждения и, можно сказать, разные социальные порядки возможны? Как интерпретировать ситуации, когда элитарными становятся определенные регионы одной страны, а другие – подобно колониям обслуживают интересы почти что метрополии; в результате в некоторых регионах улучшается доступ населения к общественным благам и экономической активности, позволяющей раскрыть таланты и способности. И если на ум сразу приходит Россия, по определению не относящаяся к странам с порядками открытого доступа, то среди стран с «правильными» порядками страны с дифференцированными социальными порядками тоже есть. В той же Италии богатый север полагает, что он кормит «бедный» юг, весьма далекий с его мафией от идеалов «rule of law». Однако не означает ли это, что «новой повестке общественных наук» следует больше внимания уделять локальностям, а не странам?

Подобные работы, изучающие влияние насилия на убеждения, а через них – на экономическое, политическое, социальное благополучие на примере локальностей, а не стран, существуют. В основном это связано, правда, не с тем, что есть специальный интерес к локальностям, а с тем, что ценности (или шире – культура) эндогенны по отношению к развитию [29], а локальные «натуральные социальные эксперименты» позволяют проблеме эндогенности решить. Н. Фойгтлендэр и Х. Вот [44] обсуждают, что насилие в отношении евреев в Европе вело к изменениям в культуре (ценностях, и прежде всего в уровне доверия), а это, в свою очередь, вело к ухудшению политического, экономического и социального развития стран (регионов) с большим уровнем насилия по отношению к социально угнетенной группе. Авторы доказали, что устойчивость антисемитских настроений в районах Германии (в частности, погромы в Средние века) является хорошим предиктором таких же настроений в начале XX в., что, в свою очередь, было связано с последовавшим голосованием за нацистскую партию. В другой работе И. Гросфельд, А. Роднянский и Е. Журавская [25] показали, что насилие (введение «черты оседлости», искусственной границы, определившей территории допустимого расселения евреев в Российской империи) способствовало формированию устойчивой во времени тенденции к преобладанию антирыночных ценностей и установок у современных жителей, проживающих внутри этой

границы. Объяснение авторов – среди современных жителей евреев почти не осталось, а потомки тех, кто проживал рядом с этой социально угнетаемой группой, сохранили негативное к ним отношение, а значит и негативное отношение к рынку, что символически неотделимо.

Обе указанные работы, конечно, подтверждают теоретические идеи Д. Норта с коллегами (о том, что организации и индивиды ориентированы на захват ренты и применяют для этого насилие, еще больше о том, что убеждения носят исключительно устойчивый во времени характер), но ничего не добавляют к вопросу о возможностях перехода. Кроме того, связь между насилием и убеждениями, а также и источник насилия остаются необъясненными. В частности, введение черты оседлости в Российской империи – акт насилия элит в отношении определенной социальной группы, однако почему и как «обычные люди» приняли, усвоили, согласились с этим? Может ли насилие изменять убеждения, или убеждения людей были такими, что они обосновывали насилие?

В этом проявляется еще один спорный момент «новой повестки» Д. Норта с коллегами: *использование весьма примитивной концепции насилия и власти*. В предисловии к русскому изданию книги [7] Д. Расков пишет, что «артикулированное включение насилия» является новым словом «по отношению к предыдущим описаниям общества»¹. Д. Расков также отмечает, что «авторы подробно не раскрывают это понятие, скорее берут как некую данность». Можно согласиться с Д. Расковым, что авторы не раскрывают особенностей насилия, которое может носить разные формы (физическое, символическое, структурное), не различают объективного и субъективного насилия, не выявляют техник принуждения, а обращаются скорее к веберовскому толкованию легитимности насилия государства. Одним из объяснений этого является то, что авторы сконцентрированы на элитах и поэтому не рассматривают повседневную, всепроникающую, размытую власть («микрофизику власти» в терминологии М. Фуко [9]). Это обедняет предлагаемую «новую» повестку, делает ее неактуальной для многих представителей общественных наук, а главное – в результате не проясняет связь между убеждениями и насилием.

Для иллюстрации того, в чем эта связь может состоять, процитируем А. Эткинду: «Казнь через строй (солдат. – *Примеч. Н. Р.*) осуществлялась всем заинтересованным коллективом, и каждый его член вносил в смерть

¹ Можно предположить, что «новым» это слово является именно для экономической теории. Примером артикулированного включения насилия в анализ историко-экономических процессов является работа антрополога и историка Э. Вульфа. В этой книге автор объясняет, почему и как Западная Европа обогнала другие страны в экономическом развитии и подчинила их своему влиянию. Вульф сделал особый акцент на угнетении колонизованных – работоргове, торгове пушниной [45].

«пациента» точно такую же долю, как любой другой. Посторонняя публика не считалась существенной для выполнения закона, но эффективное участие в избииении каждого солдата строго контролировалось, и уклоняющийся от роли палача рисковал сам оказаться «пациентом». Казнь через строй воплощала ...ценности, которые в зависимости от точки зрения можно характеризовать как домонархические, возвращающие к общинным экстаическим ритуалам, или постмонархические, предвещающие русский социализм: общинные ценности равного и обязательного участия. Жизнь принадлежит не индивиду, но коллективу, иначе говоря, всем вместе и никому в отдельности» [10, с. 168]. Сущность русской власти, проявляющейся в повседневной жизни и практиках, в том, что не только элиты, принимавшие указы о наказаниях или распорядившиеся об их применении, но и все, принимавшие в этом участие, рационализировали право коллектива на насилие и принуждение каждого к участию в нем. Повседневная власть тем сильнее, чем легче она признается своей, чем меньше ее носители отдают себе отчет в ее техниках, процедурах. Чем на более изошренных процедурах насилия строится эта власть, тем более жесткое насилие обычные люди, носители власти, готовы принять. Эта повседневная власть — или рационализированное право — неотделима от культурно-специфических убеждений и ценностей: с одной стороны, общинные ритуалы повлияли на формирование и распространение такого наказания, а с другой — рационализация именно этого наказания внесла вклад в развитие русского социализма.

Такова ли русская власть «на самом деле», можно оспорить. Рациональный экономист потребует количественной проверки, которая на данном этапе, видимо, невозможна: эта власть связана с убеждениями, для которых даже трудно найти название (ценность коллективного насилия?), а тем более их измерить, инструментализировать. Вероятно, это и является причиной невнимания экономистов к «микрофизике власти». Но следует понимать, что операционализируемая ныне, благодаря развитию экономической теории и еще больше эконометрическому инструментарию, власть институтов, организаций или агентов в свое время также была «маргинальным» знанием для экономистов. Например, кого интересовало исследование устройства политических институтов у нуэров, выполненное Э. Эванс-Притчардом [20] более 70 лет назад? Это сейчас очевидно, что он описал именно то, что Д. Нортон с коллегами «инновационно» названо «организациями» и «институтами». Хотя благодаря расцвету институциональной экономической теории потребность в антропологических знаниях среди экономистов сейчас несколько повышается, она носит специфический характер. Отбираются, цитируются работы, написанные более пятидесяти лет назад в парадигмах

структурного функционализма¹ или субстантивизма² (Б. Малиновского — о куле или нерыночных обменах [32], С. Гирца — о базарной экономике [21], П. Баханнан — о том, почему народ Тив (Нигерия) не создал государство [15], и др.). В этом, так же как в эволюционизме, состоит заимствование экономистами «обычаев», которым «колонизуемые» антропологи уже давно не следуют. Одна из важнейших причин критики и отказа от старых парадигм — в том, что они игнорировали повседневные практики и убеждения «обычных людей», «микрофизику власти», повседневное насилие и незаметное сопротивление. То есть те человеческие действия, через которые воспроизводятся культура и общество, «правила игры», ответственные за экономический, социальный, политический успех стран и регионов.

Еще одним уязвимым для критики местом программы Д. Норта с соавторами [7] является ее «ориенталистский» характер (в терминах Э. Саида³). *Незападные институты авторами экзотизированы*: читатель понимает, что они определенно слабы, неполноценны, ошибочны по сравнению с «правильными» западными. Однако если институты связаны с нормами, ценностями и убеждениями (культурой), то, чтобы перейти к правильным порядкам открытого доступа, люди во всех странах мира должны отказаться от своей культуры, отречься от веры, пересмотреть убеждения в пользу принятия западных ценностей, видимо, «протестантской этики и духа капитализма». Даже не затрагивая «нерациональные» вопросы о справедливости, правильности требований такого отказа, зададимся вопросом о том, насколько это возможно?

Как свидетельствует обширная литература по постколониализму, культура, убеждения исключительно устойчивы во времени; они передаются через поколения, плохо поддаются изменению даже при специальных усилиях по их коррекции и внешнему согласию людей на культурный переход. Рассмотрим пример из истории религиозной конверсии, описанный антропологом

¹ Структурный функционализм рассматривает общество как социальную систему, имеющую определенную структуру и механизмы взаимодействия структурных элементов, каждый из которых выполняет определенную функцию.

² Субстантивизм — подход, предполагающий, что отличие докапиталистических и капиталистической систем носит не только количественный, но и качественный характер. Противники данной позиции — «формалисты» — утверждают о принципиальном тождестве всех экономических систем и возможности их исследования при помощи инструментария современной экономической науки — в частности, в рамках предельного анализа. Субстантивизм, в свою очередь, явился реакцией на формализм — то есть на попытки применения категорий и принципов экономической теории, созданной на Западе, для исследования нерыночных хозяйств.

³ Э. Саид жестко критиковал западные воззрения на Восток как способ культурной дискриминации, поддержки политического доминирования западной цивилизации и оправдания колониализма. В его работах критиковались западные тексты о Востоке как иррациональном, слабом и феминизированном Друге, контрастирующем с рациональным, сильным и мужественным Западом [39, p. 65–67].

Б. Мейером [35]. Народ Эве, проживающий в Гане, был обращен в христианство в конце XIX в. пиетистами (движение внутри протестантизма). Миссионеры использовали идею Дьявола, чтобы объяснить людям Эве значение христианства: люди выбирают между «узкой» и «широкой» дорогами. В первом случае они следуют дорогой ограничений, ведущей к спасению, а во втором — дорогой удовольствий — к гибели. Для людей Эве предложенный путь спасения означал среди прочего модернизацию: школы, дома для нуклеарной семьи, медицинское обслуживание, работу и накопление богатства. Однако как только люди Эве сталкивались с проблемами, они обращались к старым ритуалам. Парадоксально, но присутствие Дьявола в религии пиетистов служило стимулом для Эве сохранять старые ритуалы, а точнее — создавать «народную» версию протестантизма. Б. Мейер утверждает, что конверсия, таким образом, изменяла стили потребления, способствовала принятию некоторых норм капиталистической культуры, но люди Эве не приняли главного — каузальных убеждений и ценностей христианской культуры. Это далеко не единственный пример, когда религиозная конверсия привела к аберрациям, но не сформировала «как-бы-европейского протестанта с духом капиталиста».

Справедливости ради следует отметить, что Д. Норт с коллегами и не предлагают в явном виде представителям незападных культур пересмотреть убеждения в пользу принятия западных ценностей. Вместо этого они призывают изучать убеждения людей. Однако при этом их *интересуют только элиты, а не «обычные люди»*, которые якобы не имеют доступа к насилию и поэтому не могут повлиять на перераспределение ренты. Возможно, это обосновывается тем, что элиты — через идеологию — могут влиять и на убеждения «обычных людей». Конечно, связь между идеологией и убеждениями масс определенно существует, но, как доказывают антропологические исследования, эта связь не так линейна. В уже цитировавшемся исследовании А. Юрчака особое внимание уделено тому, что гегемония авторитарного советского дискурса не смогла полностью форматировать убеждения «обычных людей». Кстати, неявная посылка о целесообразности анализа только элитных убеждений может приводить к неприятным заблуждениям. Например, А. Яковлев [12], основываясь на программных идеях Д. Норта с коллегами, пытается доказать, что строй, созданный в России в 1917 г., основывался на «общих убеждениях о социальном равенстве... которые до определенного момента широко разделялись как обществом, так и советской элитой» [12, с. 158]. Также он доказывает, что именно противоречия в убеждениях о социальном равенстве и личными (частными) убеждениями советской элиты способствовали краху СССР. И то и другое спорно. Хотя А. Яковлев ссылается на источник убеждений в лице социал-утопистов, совершенно неочевидным являет-

ся то, как эти убеждения могли стать «общими» даже для революционных сил, не говоря уже о советской элите, тем более для общества. Чтобы продемонстрировать спорность общности убеждений о социальном равенстве, обратимся к историко-социологическому исследованию жилищной политики нового советского государства. Идея этой политики артикулировалась как раз в терминах «социального равенства» [2, с. 13]. Вместе с тем, советская элита уже сразу после революции начала размещаться в комфортных жилищах бывших элит, что еще больше свидетельствует против общности идеи социального равенства; рабочие, которых подсаляли в просторные квартиры, стремились выбирать «бывшие людские, не только потому, что маленькую комнату было легче отопить, но и потому, что комната без роскошной лепки на потолке и камина была для них привычнее» [2, с. 10]. Несмотря на то, что А. Яковлев отмечает невнимание Д. Норты, Д. Уоллиса, Б. Вейнгаста к «неэлитным социальным группам» как слабость их подхода [12, с. 158], принятие им идеологизированных убеждений за «общие» свидетельствует о том, что слабости его доказательств носят тот же характер.

Таким образом, чтобы продвинуться в понимании того, почему некоторые страны «терпят поражение», экономической теории стоит включить в свою «повестку» возможно неэволюционный характер развития общества, более изощренные концепции власти и насилия, признать, что локальности, «обычные люди» и убеждения, отличные от западной культуры, имеют значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная идея «повестки» Норты с коллегами заключается в том, что персонафицированные договоренности элит о распределении ренты выступают стимулом стабильности развивающихся стран, и, наоборот, деперсонализация отношений обеспечивает стабильность стран развитых. Однако такой подход фиксирует достигнутый статус-кво, позволяет понять, почему мир несовершенен, но не дает возможности продвинуться вперед и изменить ситуацию в «проигрывающих странах». Внимание к «обычным людям», локальностям, повседневным власти и насилию может позволить понять, почему люди могут оказываться «не готовыми» принять обезличенные права, которые элиты по случайному стечению обстоятельств могут захотеть им передать. Внимание к убеждениям «обычных людей» в их связи с насилием также может позволить ответить на вопрос о том, почему граждане одних государств больше ценят свободу, больше доверяют друг другу, имеют больше склонности к самоопределению или к «коллективному насилию».

В этой связи хочется подчеркнуть, что в отличие от ряда других стран и

регионов, убеждения в связи с насилием у русского, советского, постсоветского человека практически не изучены; исследования жизни «обычных людей» некоторых локальностей на постсоветском пространстве — например, на Дальнем Востоке — не ведутся совсем. Однако очевидно, что социалистическое государство как социальный эксперимент должно было изменить — в том числе насильственными методами — убеждения людей. Многие составные части социального эксперимента имели явную пространственную привязку (ГУЛАГ, принудительные переселения, комсомольские стройки и т. п.). Но даже выделив и изучив современные региональные различия, например, в экономике России, которые могут быть приписаны прошлым социальным экспериментам, возникнет необходимость дополнительных углубленных объяснений различий в поведении и убеждениях.

Возможно, рассуждения о том, почему такие исследования нужны именно для России, могут показаться даже избыточными. Для многих экспертов, как внутренних, так и внешних, все более очевидным становится провал модели институционально-экономических реформ современной России (или моделей, поскольку с 1990-х гг. были реализованы различные реформаторские подходы). Глубокого анализа требуют причины провала и возможные направления дальнейшего развития. Убеждения «обычных людей», их готовность принять обезличенные права, их рационализированная повседневная власть — те проблемы, без которых глубокий анализ невозможен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акерлоф Дж., Шиллер Р.* SpiritusAnimalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / пер. с англ. Д. Прияткина; под науч. ред. А. Суворова; вступ. ст. С. Гуриева. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. 273 с.

2. *Герасимова Е.Ю.* Жилье в советском городе: историко-социологическое исследование (Ленинград, 1918–1991). URL: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/16298294.html> (дата обращения: 18.10.2014).

3. *Карбаинов Н.И.* От «естественного состояния» к «порядку открытого доступа»? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 3. С. 200–206.

4. *Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова А.Н.* Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 14–35.

5. *Либман А.М.* Направления и перспективы развития политико-экономических исследований // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 27–45.

6. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко, пред. и науч. ред. В.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с. URL: <http://www.schumpeter.ru/content/Nort-institutes.pdf> (дата обращения: 10.10.2014).

7. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ.

Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с. URL: <http://vrg-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134203.9nn2kk1r9u.pdf> (дата обращения: 05.09.2014).

8. *Рыжова Н.П.* Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии, 2014. В печати.

9. *Фуко М.* Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. М.: Кастань, 1996. С. 97–268.

10. *Эткинд А.* Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // Мишель Фуко и Россия: Сборник статей / под ред. О. Хархордина. (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 1). СПб.—М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. С. 166–191.

11. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак; предисловие А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 604 с.

12. *Яковлев А.А.* Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // Мир России: социология, этнология. 2012. Т. 21. № 4. С. 154–167.

13. *Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Publishers, 2012. 529 p.

14. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A.* The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // American Economic Review, 2001. Vol. 91. Pp. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369.

15. *Bohannan P.* Justice and Judgement Among the Tiv. Oxford: Oxford University Press, 1957.

16. *Bohannan P.* The Impact of Money on an African Subsistence Economy // The Journal of Economic History. 1959. Vol. 19. Pp. 491–503. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0022050700085946>.

17. *Candea M.* Habituating Meerkats and Redescribing Animal Behaviour Science // Theory, Culture and Society. 2013. Vol. 30 (7–8). Pp. 105–128. DOI: 10.1177/0263276413501204.

18. *Elyachar J.* Markets of Dispossession: NGOs, Economic Development, and the State in Cairo (Politics, History, and Culture). Durham: Duke University Press, 2005. 296 p.

19. *Engerman S.L., Sokoloff K.L.* Factor Endowments, Inequality, and Paths of Development Among New World Economies, Working Paper 9259, National Bureau of Economic Research. 2002.

20. *Evans-Pritchard E.E.* The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford: Clarendon Press, 1940. 352 p. URL: <https://archive.org/details/nuerdescriptiono00evan> (дата обращения: 12.10.2014).

21. *Geertz C.* Suq: The Bazaar Economy in Sefrou / C. Geertz, H. Geertz and L. Rosen Meaning and Order in Moroccan Society: Three Essays in Cultural Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. Pp. 123–225.

22. *Gluckman M.* Politics, Law and Ritual in Tribal Society. Oxford: BasilBlackwell, 1965. XXXII, 339 p.

23. *Goody J.R.* Production and Reproduction: A Comparative Study of the Domestic Domain. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1976. 170 p.

24. *Graeber D.* Toward an Anthropological Theory of Value. The False Coin of Our own Dreams. Palgrave Macmillan, 2001. 352 p.

25. *Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E.* Persistent Anti-Market Culture: A Legacy of the Pale of Settlement and of the Holocaust. Working Papers 2011. No. 145.

Center for Economic and Financial Research (CEFIR). 75 p. URL: http://www.cefir.ru/papers/WP145_March2011.pdf (дата обращения: 20.08.2014).

26. *Hann C.* Reproduction and Inheritance: Goody Revisited // *Annual Review of Anthropology*. 2008. Vol. 37. Pp. 145–158. DOI: 10.1146/annurev.anthro.37.081407.085222.

27. *Hann C.* and the «Property Relations» Group (eds.). *The Postsocialist Agrarian Question: Property Relations and the Rural Condition*. Münster: LIT Verlag, 2003. 488 p.

28. *Humphrey C.* *Alternative Freedoms* // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2007. Vol. 151. Pp. 1–10.

29. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65 (1). Pp. 19–51. URL: <http://www.jstor.org/stable/2657288> (дата обращения: 14.10.2014).

30. *La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W.* Law and Finance // *Journal of Political Economy*. 1998. Vol. 106 (6). Pp. 1113–1155. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/250042> (дата обращения: 28.09.2014).

31. *Macfarlane A.* *The Mystery of Property: Inheritance and Industrialization in England and Japan* // *Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition* / Ed. by Hann C.M. Cambridge University Press, 1998. Pp. 104–123.

32. *Malinowski B.* *Argonauts of the Western Pacific: An Account of Mative Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea*. London: Routledge and Kegan Paul, 1922.

33. *Malinowski B., Ellis H.* *The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia. An Ethnographic Account of Courtship, Marriage, and Family Life Among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea*. London, 1929.

34. *Mbembe A.* Necropolitics // *Public Culture*. 2003. Vol. 15 (1). Pp. 11–40. DOI:10.1215/08992363-15-1-11.

35. *Meyer B.* Modernity and Enchantment: the Image of the Devil in Popular African Christianity // Peter van der Veer (ed.) 1996. *Conversion to Modernities: The Globalization of Christianity*. London: Routledge. Pp. 201–225.

36. *North D.* *Structure and Change in Economic History*. Norton. 1981. 240 p.

37. *Ong A.* *Spirits of Resistance and Capitalist Discipline: Factory Women in Malaysia*. Albany: SUNY Press, 1987. 268 p.

38. *Parry J., Bloch M.* (eds) *Money and the Morality of Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 276 p.

39. *Said E.W.* *Orientalism*. Penguin Books, 2003. 396 p.

40. *Schneider D.* *A Critique of the Study of Kinship*. University of Michigan Press, 1984. IX, 208 p.

41. *Sharma A.* Cross-Breeding Institutions, Breeding Struggle: Women's «Empowerment» Neoliberal Governmentality, and State (Re) Formation in India // *Cultural Anthropology*. 2006. Vol. 21 (1). Pp. 60–95. DOI: 10.1525/can.2006.21.1.60.

42. *Tabellini G.* Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. 2010. Vol. 8 (4). Pp. 677–716. DOI: 10.1162/jeea_a_00001.

43. *Taussig M.* *The Nervous System*. New York and London: Routledge, 1992. 207 p.

44. *Voigtländer N., Voth H.-J.* Persecution Perpetuated: The Medieval Origins of Anti-Semitic Violence in Nazi Germany // *The Quarterly Journal of Economics*. 2012. Vol. 127 (3). Pp. 1339–1392. DOI: 10.1093/qje/qjs019.

45. *Wolf E.* *Europe and the People Without History*. Berkeley: University of California Press, 1982. XVII, 503 p.

INSTITUTIONS' RESEARCH: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

N.P. Ryzhova

Ryzhova Natalia Petrovna – Doctor of Economics, Master of Philosophy (Anthropology), University of Cambridge, Head of the Laboratory. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: n.p.ryzhova@gmail.com.

The paper brings together study by economists and anthropologists and aims at a critical investigation of the competing theoretical explanation of the role of violence and beliefs in economic, social and political development. By reconstructing discussion in neo-institutional economic theory over the role of history and culture in current economic performance of under-developed countries, the paper claims that scholars must today pay attention on violence and beliefs. Although economists recently confirmed that these two factors played crucial role in the different development of nations, when some of them accumulate power and wealth, while others fail, the paper argues that more complicated approach is needed. In particular, economists use too simplistic conception of power and violence and refuse to pay attention on beliefs of ordinary people. Social anthropology could suggest both sophisticated approaches to violence and precise attention to ordinary people beliefs. That the reason why anthropological knowledge should be incorporated in neo-institutional economic theory.

Keywords: interdisciplinary economic research, social anthropology, institutions, culture, violence, beliefs, elite, «ordinary people».

REFERENCES

1. Akerlof G., Shiller R. *Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Translated from English by D. Priyatkin. Edited by A. Suvorov. Moscow, 2010, 273 p. (In Russian).
2. Gerasimova E.Yu. *Housing in the Soviet city: Historical and Sociological Study (Leningrad, 1918–1991)*. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/16298294.html> (accessed 18 October 2014). (In Russian).
3. Karbainov N.I. From the Natural State to an Open Access Order? *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2010, vol. 13, no. 3, pp. 200–206. (In Russian).
4. Klucharev V.A., Smidts A., Shestakova A.N. Neuroeconomics: the Neurobiology of Decision-Making. *Eksperimentalnaya Psikhologiya – Experimental Psychology*, 2011, vol. 4, no. 2, pp. 14–35. (In Russian).
5. Libman A. Directions and Perspectives of Political-Economic Studies. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2008, no. 1, pp. 27–45. (In Russian).
6. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Translated from English by A.N. Nesterenko. Edited by V.Z. Milner. Moscow, 1997, 190 p. Available at: <http://www.schumpeter.ru/content/Nort-institutes.pdf> (accessed 10 October 2014). (In Russian).
7. North D., Wallis B., Weingast B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Translated from English by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskov. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy, 2011, 480 p. Available at: <http://vrn-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134203.9nn2kk1r9u.pdf> (accessed 05 October 2014). (In Russian).

8. Ryzhova N.P. Land and Power: the Differences at Approaches to Research Property (Case of Informal Land Use Chinese Farmers). *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2014. (In Russian).
9. Foucault M. The Will to Knowledge. *The Will to Truth*. Moscow, 1996, pp. 97–268. (In Russian).
10. Etkind A. Foucault and Imperial Russia: Disciplinary Practices in Terms of Internal Colonization. *Michel Foucault and Russia: a Collection of Articles*. Edited by O. Kharkhordin. St. Petersburg–Moscow, 2001, pp. 166–191. (In Russian).
11. Yurchak A. *It was Forever, until It Ran Out. The Last Soviet Generation*. Translated from English. Moscow, 2014, 604 p. (In Russian).
12. Yakovlev A.A. Communist Beliefs and their Influence on the Development of Economy and Society: New Approaches by D. North to the Analysis of the Historical Experience of the USSR. *Mir Rossii: Sotsiologiya, Etnologiya* [World of Russia: Sociology, Ethnology], 2012, vol. 21, no. 4, pp. 154–167. (In Russian).
13. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Crown Publishers, 2012, 529 p.
14. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *American Economic Review*, 2001, vol. 91, pp. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369.
15. Bohannan P. *Justice and Judgement Among the Tiv*. Oxford: Oxford University Press, 1957.
16. Bohannan P. The Impact of Money on an African Subsistence Economy. *The Journal of Economic History*, 1959, vol. 19, pp. 491–503. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0022050700085946>.
17. Candea M. Habituating Meerkats and Redescribing Animal Behaviour Science. *Theory, Culture and Society*, 2013, vol. 30 (7–8), pp. 105–128. DOI: 10.1177/0263276413501204.
18. Elyachar J. *Markets of Dispossession: NGOs, Economic Development, and the State in Cairo (Politics, History, and Culture)*. Durham: Duke University Press, 2005, 296 p.
19. Engerman S.L., Sokoloff K.L. *Factor Endowments, Inequality, and Paths of Development Among New World Economies*, Working Paper 9259, National Bureau of Economic Research, 2002.
20. Evans-Pritchard E.E. *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Clarendon Press, 1940, 352 p. Available at: <https://archive.org/details/nuerdescription00evan> (accessed 12 October 2014).
21. Geertz C. Suq: The Bazaar Economy in Sefrou. *C. Geertz, H. Geertz and L. Rosen Meaning and Order in Moroccan Society: Three Essays in Cultural Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979, pp. 123–225.
22. Gluckman M. *Politics, Law and Ritual in Tribal Society*. Oxford: BasilBlackwell, 1965, XXXII, 339 p.
23. Goody J.R. *Production and Reproduction: A Comparative Study of the Domestic Domain*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1976, 170 p.
24. Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value. The False Coin of our Own Dreams*. Palgrave Macmillan, 2001, 352 p.
25. Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. *Persistent Anti-Market Culture: A Legacy of the Pale of Settlement and of the Holocaust*. Working Papers 2011, no. 145. Center for Economic and Financial Research (CEFIR), 75 p. Available at: http://www.cefir.ru/papers/WP145_March2011.pdf (accessed 20 August 2014).
26. Hann C. Reproduction and Inheritance: Goody Revisited. *Annual Review of Anthropology*, 2008, vol. 37, pp. 145–158. DOI: 10.1146/annurev.anthro.37.081407.085222.

27. Hann C. *The Postsocialist Agrarian Question: Property Relations and the Rural Condition*. Münster: LIT Verlag, 2003, 488 p.
28. Humphrey C. Alternative Freedoms. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 2007, vol. 151, pp. 1–10.
29. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 2000, vol. 65 (1), pp. 19–51. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2657288> (accessed 14 October 2014).
30. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A, Vishny R.W. Law and Finance. *Journal of Political Economy*, 1998, vol. 106 (6), pp. 1113–1155. Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/250042> (accessed 28 September 2014).
31. Macfarlane A. The Mystery of Property: Inheritance and Industrialization in England and Japan. Edited by Hann C.M. *Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition*. Cambridge University Press, 1998, pp. 104–123.
32. Malinowski B. *Argonauts of the Western Pacific: An Account of Mative Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea*. London: Routledge and Kegan Paul, 1922, XXXII, 527 p.
33. Malinowski B., Ellis H. *The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia. An Ethnographic Account of Courtship, Marriage, and Family Life Among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea*. London, 1929, XXIV, 505 p.
34. Mbembe A. Necropolitics. *Public Culture*, 2003, vol. 15 (1), pp. 11–40. DOI:10.1215/08992363-15-1-11.
35. Meyer B. Modernity and Enchantment: the Image of the Devil in Popular African Christianity. *Conversion to Modernities: The Globalization of Christianity*. Edited by Peter van der Veer. London: Routledge, 1996, pp. 201–225.
36. North D. *Structure and Change in Economic History*. Norton, 1981, 240 p.
37. Ong A. *Spirits of Resistance and Capitalist Discipline: Factory Women in Malaysia*. Albany: SUNY Press, 1987, 268 p.
38. Parry J., Bloch M. (eds.) *Money and the Morality of Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989, 276 p.
39. Said E.W. *Orientalism*. Penguin Books, 2003, 396 p.
40. Schneider D. *A Critique of the Study of Kinship*. University of Michigan Press, 1984, IX, 208 p.
41. Sharma A. Cross-Breeding Institutions, Breeding Struggle: Women's «Empowerment» Neoliberal Governmentality, and State (Re) Formation in India. *Cultural Anthropology*, 2006, vol. 21 (1), pp. 60–95. DOI: 10.1525/can.2006.21.1.60.
42. Tabellini G. Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, 2010, vol. 8 (4), pp. 677–716. DOI: 10.1162/jeea_a_00001.
43. Taussig M. *The Nervous System*. New York and London: Routledge, 1992, 207 p.
44. Voigtländer N., Voth H.-J. Persecution Perpetuated: The Medieval Origins of Anti-Semitic Violence in Nazi Germany. *The Quarterly Journal of Economics*, 2012, vol. 127 (3), pp. 1339–1392. DOI: 10.1093/qje/qjs019.
45. Wolf E. *Europe and the People Without History*. Berkeley: University of California Press, 1982, XVII, 503 p.